

Неприличная форма высказывания: право, лингвистика, экспертная практика

С. В. Доронина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Алтайский филиал)*

ул. Партизанская 187, 656008, Барнаул, Россия. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Статья представляет собой краткий обзор исследований категории «неприличная форма высказывания» как главного признака оскорбления в юридической лингвистике. В работе показано, что оскорбление в его наивно-языковом и лингвистическом смысле, закрепленном в термине «инвектива», не тождественно оскорблению как правовому феномену. Разногласия лингвистов, исследующих инвективу в проекции на норму закона, сводятся к двум вопросам: соответствие запретительных лексикографических помет правовому определению «неприличная форма» и оценка (не)приличия формы в условиях исследуемой коммуникативной ситуации. При широком толковании понятия «неприличная форма» в зону правовой ответственности попадают все грубые нарушения речевой этики и институциональных коммуникативных регламентов. При узком подходе неприличными признаются только явно циничные, запрещенные к публичному употреблению выражения. Второй подход в настоящее время имеет более широкую поддержку, хотя среди его приверженцев все же имеются расхождения в том, какую стилистическую окраску – нецензурное, вульгарное, грубое, бранное – следует считать «неприличной формой». В настоящее время разработаны методики экспертного лингвистического исследования инвективных речевых актов. Одна из наиболее авторитетных из них представлена в научно-информационном пособии «Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении», разработанном в Российском Федеральном центре судебных экспертиз Минюста России; около десяти лет она успешно применяется для анализа речевых конфликтов различной сложности. Сравнительный анализ методов, отраженных в публикациях последнего десятилетия, также обнаружил несогласованность действий судебных экспертов разных ведомств в решении вопроса о неприличной форме высказывания, что, безусловно, требует дальнейших усилий экспертного сообщества России по выработке единого подхода к анализу конфликтных высказываний.

Ключевые слова: неприличная форма, инвектива, оскорбление, нецензурная лексика, обсценизм.

Indecent Utterance in Law, Linguistics and Forensic Examinations

S. V. Doronina

*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation (Altai branch)*

187 Partizanskaya Street, Barnaul, Russia, 656008. E-mail: doroninasv73@mail.ru

The article is a brief overview of the studies of the category of "indecent form of utterance" as the main indication of insult in legal linguistics. The paper shows that insult in its naive-linguistic and linguistic sense, enshrined in the term "invective", is not identical to insult as a legal phenomenon. Linguists involved in in-depth studies of invective as it is understood by the provision of law disagree about two points: correspondence of prohibitive lexicographic tags to the legal definition of "indecent form" and assessment of (in)decency of forms in a particular communicative situation. When "indecent form" is interpreted widely, all gross violations of speech ethics and institutional communication regulations are seen as subjects of legal liability. With a narrow approach, only explicitly cynical statements forbidden for public use are recognized as indecent. The second approach now has broader support, although among its adepts there is still disagreement about what stylistic coloring - obscene, vulgar, rude, abusive - should be considered "indecent transfer". Currently, methods of expert linguistic research of invective speech acts have been developed. One of the most authoritative of them is presented in the scientific and information manual "Forensic Linguistic Expertise in the Case of the Charges", developed at the Russian Federal Center for Forensic Expertise of the Ministry

of Justice of Russia; it has been successfully used for analysis of speech conflicts for about ten years. Comparative analysis of methods described in major research papers of the previous decade also demonstrates inconsistency in the actions of experts from various institutions concerning indecent wording, which, of course, requires research by the Russian expert community to develop a uniform approach to the analysis of conflict utterances.

Key words: indecent form, invective, insult, obscene words, vulgar words.

Понятие неприличной формы высказывания привнесено в лингвистику юридической наукой, использующей данную категорию для определения преступлений против права личности на защиту чести и доброго имени. «Неприличная форма» встречается в диспозициях ряда статей Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях: УК РФ, статья 319 «Оскорбление представителя власти»; статья 297 «Неуважение к суду»; статья 336 «Оскорбление военнослужащего»; КоАП РФ, статья 5.61 «Оскорбление». Оскорбление – запрещенные формы проявления неуважения. Данная категория необходима законодателю для указания на особый способ совершения речевого правонарушения, проявляющегося в циничном попрании этических норм коммуникации, выработанных обществом. При этом демонстративное игнорирование правил речевого поведения, недопустимое в оценке отдельной личности, пресекается и при выражении отношения к ряду социальных групп (ст. 148 УК, запрещающая действия, совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих), а также в массовой коммуникации – в рекламе и СМИ. Так, например, часть 6 статьи 5 ФЗ «О рекламе» содержит следующее положение: «В рекламе не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека» (см. об этом Акинина 2023).

К сожалению, законодательная норма не дает определение неприличной формы: пояснения относительно объема и содержания этого понятия обнаруживаются только в комментариях к УК. Например, неприличная форма определяется как «явно циничная, а потому резко противоречащая принятой в обществе манере общения между людьми. Это, прежде всего, нецензурные выражения, сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами.» [Цит. по «Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы», 2004, с. 30], а также как «нанесение обиды, которая может быть выражена устно, например, в виде ругательств или нецензурных прозвищ; письменно в виде записок или писем неприличного содержания; в виде телодвижений – пощечин, плевков в лицо и т. п. действий». [Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации, 1996: URL].

Междисциплинарный характер категории «неприличная форма», ее положение на стыке лингвистики, этики и права, как это часто бывает, лишает ее однозначности и делает предметом научного обсуждения на протяжении продолжительного времени. Недостаточная точность определения ощущается и самим законодателем, что обуславливает не слишком успешную попытку уточнить понятие «оскорбление» в новой редакции КоАП РФ от 2020 г. В частности, под оскорблением предлагается понимать унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме. Подобное расширение еще более затрудняет применение законодательной нормы, поскольку предлагает использовать сразу два понятия, лишенные четкого предметного содержания. К тому же закрепленные в языке антонимические пары «моральный – аморальный», «нравственный – безнравственный», «приличный – неприличный» без каких-либо промежуточных значений, явно демонстрируют неградуальный характер этих оппозиций. По этой причине формулировка КоАП, подразумевающая, помимо категорий приличного и неприличного, еще одну добавочную оценочную категорию, противоречит логическому закону исключенного третьего и требует разъяснений.

Трудность правового определения понятия «неприличная форма» обусловила его активное обсуждение лингвистами, поскольку открыла новый ракурс как для системы языковых форм, так и для методов их исследования. В целом можно сказать, что накопление экспертной практики и ее теоретическое осмысление постепенно ведет к обретению данным понятием более четких очертаний.

Как показывают исследования в области этики речевого общения, трудности в описании средств выражения негативного отношения объясняются двумя причинами. Во-первых, для этих целей могут быть использованы единицы всех языковых уровней, включая суперсегментные средства (ср. отражение инвективной функции интонации в выражениях «ироничный тон», «резкий тон», «разговор на повышенных тонах»), а во-вторых, резкость эмоционально-оценочного значения варьируется в зависимости от условий общения: «В аспекте ортологического подхода приличие в общении – это соответствие языковой единицы общим нормам современного русского литературного языка. В аспекте релятивного подхода приличие понимается как уместность и допустимость языковой единицы в конкретной коммуникативной ситуации». [Осадчий, 2007: 42]. Развитие данной темы привело к глубокому и многостороннему изучению феномена речевой инвективы (см., например, Щербинина 2008), описание которого не входит в задачи настоящего обзора. Для нас в данном случае важно, что при таком подходе оскорбление в его наивно-языковом и лингвистическом смысле, закрепленное термином «инвектива», отождествляется с оскорблением как правовым феноменом. Высказывание оценивается как неприличное ввиду того, что в нем обнаруживаются нарушения норм речевого общения – в первую очередь, коммуникативных и этических. Данная точка зрения разделяется довольно широким кругом исследователей: «Этико-культурные нормы, в частности приличность/ неприличность, исторически, социально, этнически, ситуативно обусловлены. Невозможно охарактеризовать языковое средство как приличное/ неприличное без учета всех факторов коммуникативного акта: места, времени коммуникации, наличия свидетелей, характера взаимоотношений между коммуникантами, их предшествующего опыта общения и др.» [Иваненко 2016,

132]. Описаны попытки применения широкого толкования неприличия в экспертной практике: были квалифицированы как оскорбление экспрессивная резко негативная оценка лица в ситуации официально-делового общения (Зуга 2016), нарушение субординации, определяемой социальным статусом конфликтующих сторон – студента и ректора вуза (Саломатина 2022), унижение и запугивание подчиненного (Шахматова 2013); публичная дискредитация представителя власти (Напреенко 2018; Чернышова 2014), распространение информации о психическом заболевании лица. (Иссерс 2020).

Морально-этические нормы отражаются в высказываниях на уровне отбора лексических единиц. Пожалуй, впервые данная идея была воплощена в работе «Понятия чести, достоинства и деловой репутации», авторы которой, члены Гильдии лингвистов-экспертов ГЛЭДИС, разработали тематическую классификацию инвективных лексем. [Понятия чести ... 2004, 68-71]. Работа имела высокое прикладное значение, поскольку в ранних лингвистических экспертизах по делам об оскорблении использовалась для квалификации высказываний как неприличных (см. опубликованные экспертные заключения по делам об оскорблении в ранних выпусках журнала «Юрислингвистика», а также в Цена слова 2002).

Вопрос о том, какие типы значений запрещены речевой этикой к публичному выражению, безусловно, справедлив, однако вряд ли имеет ответ в виде закрытого перечня строго формулируемых правил. В то же время для успешного применения используемого законом понятия «неприличная форма» необходимы устойчивые и надежно проверяемые признаки. Таковыми безусловно являются (со всеми известными оговорками) лексикографические сведения о словах, отражающие в том числе и морально-этические ценности социума. Поэтому поиск корреляций неприличной формы постепенно сдвигался из области семантики в область стилистики. Несмотря на то, что лингвисты привыкли разделять значение слова и его функциональную окраску, в группе лексем с негативно-оценочным значением между этими аспектами проявляется достаточно устойчивая зависимость. Так, тематическая классификация лексем и их последующее стилистическое описание с опорой на толковые словари литературного языка демонстрируют, что наиболее резкие стилистические пометы (бранное, грубое, вульгарно-просторечное и под.) чаще встречаются среди лексем определенных лексико-тематических групп: общеоценочной, оценки интеллекта и сексуального поведения. Таким образом, в рамках юридической лингвистики победу одержала идея установления неприличной формы слов на основе анализа стилистических помет.

Поскольку комментарий к УК РФ нацеливает внимание лингвистов на «явно циничные» и «резко противоречащие нормам морали» способы выражения негативного мнения о лице, объектом исследований становится нелитературная лексика, сопровождаемая лексикографическими пометами нецензурное, грубое, вульгарное, бранное и пр., а основной задачей – соотнесение правового понятия неприличной формы с традиционными лексикографическими сведениями о функциональной принадлежности слова. Последователи данного подхода, тем не менее, не достигают согласия в определении конечного перечня словарных помет, сигнализирующих о неприличной форме высказывания. Спорными являются пометы «бранное», «жаргонное», «разговорно-сниженное»: их включают в число маркёров неприличной формы немногие авторы (Жельвис 2001, Напреенко 2018; Пачина, Пекарская 2016). Некоторые авторы настаивают на том, что неприличная форма в юридическом понимании соотносима с пометами «грубое», «вульгарное», «вульгарно-просторечное» (Кусов 2013; Салаяев 2014): «Наивысшей императивностью и категоричностью обладает помета «вульг.». Ею снабжается действительно неприличная, непристойная, нецензурная лексика, использование которой в любой сфере общения категорически запрещено». [Салаяев 2014: 388]. Наконец, есть группа авторов, которые к неприличным относят лишь лексемы нецензурные и обценные: «в русской речевой культуре негативно ценным (неприличным) считается употребление обценных слов и выражений, а также форм, содержащих непристойность» [Бринев 2009, с. 107]. Эта позиция получает следующее обоснование. Неприличие может проявляться в разной мере и степени и эти проявления не имеют объективной измерительной шкалы, следовательно, наступление правовых последствий допустимо только в абсолютно бесспорных случаях. Данную точку зрения разделял известный российский лингвист И.А. Стернин, выделяя при этом высказывания, неприличные по форме, и высказывания, неприличные по содержанию: «Неприличие (непристойность) содержания – это нарушение тематических табу в общении, затрагивание и обсуждение тем, которые в обществе нравственно запрещены к общественному публичному обсуждению (например, секс, физиологические процессы организма, телесный низ и под.). <...> бранные и нецензурные языковые единицы, они рассматриваются как неприличная форма выражения мысли в речи». [Стернин 2011, 394].

Отсутствие единодушия в установлении стилистических маркеров неприличной формы обусловлено не только размытостью правового определения, но и объективной сложностью классификации лексем по их стилистическим признакам. Известно, что в разных лексикографических источниках для одной и той же стилистической окраски используются различные обозначения, и это замечание особенно справедливо по отношению к субстандартной сниженной лексике: «В некоторых источниках термины «матерный» и «обценный» полностью дублируют друг друга, в других же – сообщается о том, что мат является лишь частью обценной лексики русского языка». [Магеромова, 2018, с. 97]. Добавим к этому, что довольно трудно различить объем понятий для помет «грубое» и «бранное», «сниженное» и «просторечное» в разных словарях. Кроме того, инвективная лексика, являясь коннотативно окрашенной, легко меняет интенсивность оценки и даже ее знак, подстраиваясь под ситуацию общения: «В разных контекстах и ситуациях, по отношению к разным лицам и в употреблении разных лиц, одно и то же слово на шкале инвективности достаточно легко меняет свое место» [Голев 2000, 12]; «При возрастании напряженности слова, то есть его чувствительности к изменившимся обстоятельствам ситуации, такого его состояния, когда в нем активизируется потенциальная конфликтность, единицы, не имеющие неприличной формы, способны менять свое положение на шкале инвективности». [Попкова 2019, 155]. Это свойство хорошо известно лингвистике как энантиосемия экспрессивно

окрашенных слов: выражение «Эх, как здорово поёт, собака!» содержит пейоративную лексему, выражающую, однако, положительную оценку (восхищение!). Наконец, мешает единообразному словарному описанию инвективной лексики отсутствие единого подхода к описанию стилистической окраски слов: известно, что в словарях непоследовательно применяются пометы, описывающие экспрессивность слова и его стилиевой регистр. Пример такого несовпадения видим в слове

Дебил – 2) переносное, разговорно-сниженное. Тупой, несообразительный человек. [Ефремова 2000].

Дебил – грубое, бранное, разговорное. О тупом, несообразительном человеке. [Химик 2004].

Дебил – просторечное, пренебрежительное. Умственно отсталый, слабоумный; дурень, тупица. [Квеселевич 2005].

в лексикографических портретах которого наблюдается расхождение как в стилиевом регистре (разговорное – просторечное), так и в экспрессивных свойствах (сниженное – грубое/бранное – пренебрежительное).

К сожалению, расхождение в словарных описаниях инвективных лексем на сегодняшний день является непреодолимым. Поэтому Н. Д. Голевым была выдвинута идея создания специального юрислингвистического словаря, направленного на описание конфликтогенного потенциала инвективов, в основе которого будет лежать специальная шкала лексической инвективности: «нейтральное — обидное — оскорбительное». В этом случае под неприличной формой, по мнению Н. Д. Голева, следует понимать «форму с использованием лексем, лидирующих на шкале «сильной» инвективности» [Голев 2000, 20]. Степень инвективности (нарастание оттенков оскорбительного значения) определяется количественным методом: «если от 80% до 100% словарей указывают на то, что слово бранное, презрительное или уничижительное, то степень его инвективности «высокая», если от 50% до 80% – «средняя», от 20% до 50% – «невысокая», от 1% до 20% – «малая». [Голев 2003, 96]. Так, по наблюдениям Н. Д. Голева, к словам с высокой степенью инвективности относятся болван, дубина, идиот, кретин, осел и т. д., к словам со средней степенью инвективности – балда, дурак, олух и т. д., к словам с невысокой степенью инвективности – балбес, бестолочь, тупица и т. д. и малой степенью инвективности – дурень, пень, полудурок и т. д.

Противоречия в интерпретации понятия «неприличная форма» отразились и в экспертной практике на этапе создания экспертных методик. В частности, судебные государственные эксперты криминалистических центров МВД России отказываются от решения вопроса о неприличной форме, считая его сугубо правовым. В обоснование позиции предлагаются следующие аргументы. Поскольку четких критериев оскорбительного (унизительного) и неоскорбительного нет, их содержание зависит от различного ряда условий: уровня жизни, образования, принятых форм и средств общения и т.п. В этом случае выработка стабильных и устойчивых стандартов весьма затруднительна, а иногда невозможна. Потому «... определение унизительности деяния происходит на основании усмотрения (и, возможно, внутреннего убеждения) судебно-следственных органов и непременно с учетом принципа субъективного вменения (осознания нарушителем обстоятельств, условий и последствий своего преступления – СД)». [Брагина, Мамаев, Манянин 2010, 29]. Выводы эксперта-лингвиста не содержат оценки высказывания с точки зрения приличия. В лингвистической экспертизе «выявляются высказывания, содержащие негативную оценку лица, и определяются стилистические характеристики средств выражения негативной оценки в конкретном контексте употребления высказывания. Указанные выводы могут быть использованы правоприменителем при квалификации содеянного». [Брагина, Мамаев, Манянин 2010, 31].

Иного подхода придерживается И.А. Стернин, член Гильдии лингвистов-экспертов ГЛЭДИС, широко известной в России. По его мнению, морально-этический критерий проявляется в возможности употребления слова в общественном месте. По такому принципу лексика делится на три группы: приличная (допустима в общественном месте) некультурная (неуместна, не рекомендуется к использованию в общественном месте) неприличная (табуирована, полностью запрещена к использованию в общественном месте). К некультурной лексике относятся все нелитературные слова, за исключением нецензурных (сниженная, жаргонная, просторечная, вульгарная лексика). Наконец, к «неприличным» относятся нецензурные слова. [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013, с 21]. При этом к классу нецензурных относятся четыре группы слов «нецензурные обозначения мужского и женского половых органов, нецензурное обозначение акта совокупления, а также нецензурное обозначение женщины-проститутки. Правда, все эти слова имеют в русском языке многочисленные производные – то есть они входят в состав многих слов, которые тоже автоматически становятся нецензурными. К нецензурной лексике относятся также некоторые нецензурные синонимы названных четырех слов – например, м***да.» [Стернин 2011, 5].

В завершение реферативного обзора необходимо сказать и о методике исследования неприличной формы, разработанной экспертами Центра судебных экспертиз при Минюсте РФ Т. М. Изотовой, А. М. Плотниковой и В. О. Кузнецовым (2016). Эксперты исходят из общепринятого положения о том, что неприличными являются только такие высказывания, которые крайне цинично нарушают правила и нормы поведения в обществе. Табуированными социумом признаются слова-обсценизмы: «под обсценной лексикой нужно понимать лексику двух слоев: 1) матизмы (матерная лексика) 2) вульгаризмы (лексика, не являющаяся собственно матом, но примыкающая к нему, пограничная по своей семантике и речевому употреблению)» [Судебная лингвистическая экспертиза... 2016, 47]. Для выявления лингвистических признаков неприличной формы слова/выражения необходимо установить, является ли данная единица обсценизмом.

Признаками отнесенности языковой единицы к обсценизмам являются следующие:

– лексикографический признак: отсутствие слова/выражения в академических словарях современного русского литературного языка;

– стилистический признак: в словарях субстандартной лексики слова/выражения маркированы пометами «нецензурное»/ «обсценное»/ «неприличное»/ «вульгарное»/ «вульгарно-просторечное»;

– семантический признак: слова/выражения относятся к сексуальной/эксреторной тематике.

Для отнесения слова к группе обценной лексики необходимо наличие всех трех признаков: лексикографического, стилистического и семантического. Отсутствие хотя бы одного из признаков исключает слово из группы лексем, имеющих неприличную форму. [Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, 2016]. Проиллюстрируем работу данного алгоритма на примере слова говно. Лексикографический анализ показывает, что слово принадлежит к нижнему регистру речи, зафиксированному в словарях литературного языка, в частности, в «Словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой.

Говно – просторечное, грубое. Экскременты, кал. [Ожегов, Шведова 1996; Шведова 2011].

Однако в этих изданиях исследуемая лексема зафиксирована в своем прямом номинативном значении. Переносное значение слова, выражающее оценку лица и использованное в конфликтной коммуникативной ситуации, обнаруживается только в словарях субстандартной лексики, причем с искомой пометой «вульгарное»:

Говно – вульгарное, бранное. О человеке как о презираемой, ничтожной, подлой личности [Химик, 2017].

По семантике слово является дисфемизмом, поскольку в прямом значении относится к эксреторной тематике. Таким образом, слово «говно» в значении оценки человека, обладает всеми тремя признаками обценности, выделяемыми методикой, и имеет неприличную форму.

Важно иметь в виду, что перечень словарей литературного языка, используемых для установления отсутствия слова в литературном языке, ограничен четырьмя источниками. В него входят только академические словари, созданные московской лексикографической школой: Толковый словарь современного русского языка. Под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой; Малый академический словарь под ред. А. П. Евгеньевой; Толковый словарь современного русского языка Лопатина В. В., Лопатиной Л. Е.; Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов под ред. Н. Ю. Шведовой.

Данное ограничение обусловлено разными принципами отбора слов при составлении толковых словарей. (Например, «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (2014) и «Большой толковый словарь правильной русской речи» Л.И. Скворцова (2022), декларируя одну и ту же задачу – описание современного литературного языка, имеют колоссальные различия в составе словников). Поэтому без введения описанного ограничения лексикографический принцип выделения обценности неприменим.

Расхождения в существующих экспертных методиках по делам об оскорблении отражают не решенные окончательно теоретические проблемы: соответствие запретительных лексикографических помет правовому определению «неприличная форма» и оценка степени инвективности формы в зависимости от исследуемой коммуникативной ситуации. Причем если первая проблема решается путем уточнения объема понятия «неприличная форма» законодателем, то вторая, очевидно, не имеет простого решения, что, безусловно, требует дальнейших усилий экспертного сообщества России по выработке единого подхода к анализу конфликтных высказываний. Продолжение исследования данной категории необходимо в соответствии с принципом системности права, учитывая перспективу применения категории «неприличная форма» в различных нормативных правовых актах.

Литература

- Акинина А. В. Неприличная форма коммерческих наименований / Юрислингвистика. – 2023. – № 27(38). – С. 88-93.
- Брагина А. Г., Мамаев Н. Ю., Манянин П. А. Применение результатов судебной лингвистической экспертизы при выявлении и расследовании преступлений. Учебно-методическое пособие. Барнаул, 2010.
- Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009.
- Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Юрислингвистика. – Вып. 2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 8–40.
- Голев Н. Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы). / Актуальные проблемы русистики. Вып. 2. Ч. 1. Томск, 2003. – С. 92– 98.
- Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 2001.
- Зуга О. В. О статусе слова «бестолочь» в русском языке и его интерпретации в лингвистике и юриспруденции / Юрислингвистика. – 2016. – № 5 (16). – С. 190-199.
- Иваненко Г.С. Инвектива / оскорбление: аспекты квалификации в экспертной практике / Вестник КемГУ. – 2016. – №3 (67). – С. 129-134.
- Изотова Т.М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении: научно-информационное пособие для экспертов. М., 2016.
- Иссерс О. С. Коммуникативно-прагматические эффекты негативного прогноза в аспекте установления неприличной формы высказывания / Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2020. – №1. – С. 41-51.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Наумова. М., 1996. URL: <http://www.bibliotekar.ru/ugolovnyi-codex/>
- Кусов Г. В. Диагностика квалифицирующего признака «Неприличная форма» в судебной лингвистической экспертизе / Культура и текст. – 2013. – №1 (14). – С. 93-114.

- Магеримова Ю. Ю. Правовые и лингвистические противоречия в трактовке понятия «оскорбление» / Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 93-102.
- Напреенко Г. В. Об участии лингвиста в судебных заседаниях по делам об оскорблении представителей власти / Юрислингвистика. – 2018. – № 9-10. – С. 100-112.
- Осадчий М. А. Правовой самоконтроль оратора. М., 2007.
- Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. Москва, 2004.
- Пачина А. Н., Пекарская И. В. Репрезентация феномена «Оскорбление словом» в медиатекстах: количественный, семантический и прагматический аспекты (на материалах СМИ, представленных в Национальном корпусе русского языка) / Язык и культура. – 2016. – №2 (34). – С. 57-72.
- Попкова Л. М. Неприличная форма высказывания в лингвистическом и юридическом аспектах / Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – №9. – С. 151-157.
- Салеев В. А. Неприличная форма выражения» как проблема лексикографии и лингвоэкспертологии / Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – №3 (45). – С. 386-389.
- Саломатина М.А. Понятие языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности / Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 2(52). – С. 90-98
- Стернин И.А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста / Юрислингвистика. – 2011. – №11. – С. 387-398.
- Стернин И.А. Проблема сквернословия. Изд.5, доп. и испр. Воронеж, 2011.
- Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л., Шаманова М. В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013.
- Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М.В.Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.
- Чернышова Т. В. Филологические аспекты русской правовой культуры (на материале речевого акта оскорбления) / Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – №3 (45). – С 389-391.
- Шахматова Т.С. Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевых ситуациях институционального общения / Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – Т. 155. Кн.5. – Казань, 2013. – С. 267-278.
- Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. Изд. 2-е. М., 2008.

Словари:

- Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: 2014 г.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000
- Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2005.
- Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М., 2009.
- Скворцов Л.И. Большой толковый словарь правильной русской речи. М., 2022/
- Словарь русского языка: В 4-х томах/ Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотипное. М., 1999.
- Толковый словарь современного русского языка. Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М., 1999.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2011.
- Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. В 2х т. СПб., 2017.

References

- Akinina A. V. (2023) Indecent form of commercial names. *Legal Linguistics*, 27(38), 88-93. (In Russian).
- Bragina A. G., Mamaev N. Yu., Manyanin P. A. (2010) Application of the results of forensic linguistic expertise in detecting and investigating crimes. *Teaching aid*. (In Russian).
- Brinev K. I. (2009) Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise. (In Russian).
- Chernyshova T. V. (2014) Philological aspects of Russian legal culture (based on the speech act of insult). *Problems of history, philology, culture*, 3 (45), 389-391. (In Russian).
- Golev N.D. (2000) Legalization of natural language as a linguistic problem. *Legal Linguistics. Issue. 2. Russian language in its natural and legal existence*, 8-40. (In Russian).
- Golev N. D.(2003) Jurislinguistic dictionary of invective vocabulary of the Russian language (to the formulation of the problem). *Actual problems of Russian studies, Issue 2, Part 1*, 92-98. (In Russian).
- Gorbanevsky M. V. Ed. (2002).The price of the word: From the practice of linguistic expertise of media texts in lawsuits to protect honor, dignity and business reputation. (2002) (In Russian).
- Gorbanevsky M. V. Ed. (2004). Memo on the appointment of forensic linguistic expertise: For judges, investigators, investigators, prosecutors, experts, lawyers and legal advisers. (In Russian).
- Ivanenko G.S. (2016) Invective / insult: aspects of qualification in expert practice. *Bulletin of the KemGU*, 3 (67), 129-134. (In Russian).
- Issers O. S. (2020) Communicative and pragmatic effects of a negative forecast in terms of establishing an indecent form of utterance. *Vestnik VolGU. Series 2: Linguistics*, 1, 41-51. (In Russian).

- Izotova T. M., Kuznetsov V. O., Plotnikova A. M. (2016) Forensic linguistic examination in cases of insult: a scientific and informational guide for experts. (In Russian).
- Kusov G.V. (2013) Diagnostics of the qualifying sign "Indecent form" in forensic linguistic examination. *Culture and text*, 1 (14), 93-114. (In Russian).
- Mageramova Yu. Yu. (2018) Legal and linguistic contradictions in the interpretation of the concept of "insult". *Scientific dialogue*, 7, 93-102. (In Russian).
- Naumov A. V. Ed. (1996) Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation/ (In Russian). URL: <http://www.bibliotekar.ru/ugolovnyi-codex/>
- Napreenko G. V. (2018) On the participation of a linguist in court hearings in cases of insulting representatives of the authorities. *Legal Linguistics*, 9-10, 100-112. (In Russian).
- Osadchy M. A. (2007) Legal self-control of the speaker. (In Russian).
- Pachina A. N., Pekarskaya I. V. (2016) Representation of the Phenomenon of "Insult with a Word" in Media Texts: Quantitative, Semantic and Pragmatic Aspects (Based on Mass Media Materials Presented in the National Corpus of the Russian Language). *Language and Culture*, 2 (34), 57-72. (In Russian).
- Popkova L. M. (2019) Indecent form of utterance in linguistic and legal aspects. *Bulletin of the Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 9, 151-157. (In Russian).
- Salyaev V. A. (2014) Indecent form of expression" as a problem of lexicography and linguoexpertology. *Problems of history, philology, culture*, 3 (45), 386-389. (In Russian).
- Salomatina M. A. (2022) The concept of a linguistic form that is contrary to generally accepted norms of morality and ethics. *Issues of psycholinguistics*, 2(52), 90-98. (In Russian).
- Sternin I. A. (2011) Indecent form of utterance in linguocriminalistic text analysis. *Legal Linguistics*, 11, 387-398. (In Russian).
- Sternin I. A. (2011) The problem of foul language. Ed.5, add. and correct. (In Russian).
- Sternin I. A., Antonova L. G., Karpov D. L., Shamanova M. V. (2013) Identification of signs of humiliation of honor, dignity, belittling of business reputation and insult in the linguistic examination of the text. (In Russian).
- Shakhmatova T. S. (2013) Insult as a tool of linguistic violence in speech situations of institutional communication. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Humanitarian sciences*, Vol. 155, Book 5, 267-278. (In Russian).
- Shcherbinina Yu. V. (2008) Verbal aggression. Ed. 2nd. (In Russian).
- Zhelvis V. I. (2001) Battlefield: foul language as a social problem in the languages and cultures of the world. Ed. 2-nd. (In Russian).
- Zuga O. V. (2016) On the status of the word "stupid" in the Russian language and its interpretation in linguistics and jurisprudence. *Legal Linguistics*, 5 (16), 190-199. (In Russian).

Dictionaries:

- Great Dictionary of Russian language. Ch. ed. S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: 2014. (In Russian).
- Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / Ed. A.P. Evgenieva. 4th ed., stereotypical. M., 1999. (In Russian).
- Efremova T. F. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory derivational. M., 2000. (In Russian).
- Explanatory dictionary of the modern Russian language. Ed. S.I. Ozhegova, N.Yu. Shvedova. M., 1999. (In Russian).
- Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words / Ed. N.Yu. Shvedova. M., 2011. (In Russian).

- Kchimik V.V. A large dictionary of Russian colloquial expressive speech. In 2 volumes. St. Petersburg, 2017. (In Russian).
- Kveselevich D.I. Explanatory dictionary of profanity of the Russian language. M., 2005. (In Russian).
- Lopatin V.V., Lopatina L.E. Explanatory dictionary of the modern Russian language. M., 2009. (In Russian).
- Skvortsov L.I. Big explanatory dictionary of correct Russian speech. M., 2022. (In Russian).

Citation:

Доронина С. В. Неприличная форма высказывания: право, лингвистика, экспертная практика // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 111-117.

Doronina, S. V. (2023) Indecent Utterance in Law, Linguistics and Forensic Examinations. *Legal Linguistics*, 28, 111-117.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License